

30-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Последний год жизни

Осенью 1910 года Льву Толстому исполнилось 82 года. Он пережил первую русскую буржуазно-демократическую революцию, годы столыпинской реакции и стал свидетелем нарастающей новой революционной волны. Смотреть на Толстого в 1910 году нужно именно с точки зрения своеобразия исторических условий, в которых находился Россия в этот год, роковой для гениального русского писателя. Ленин писал: «За последние (1910 года) стачки рабочих начались раньше стачек студентов. Новая борьба нарастает, — может быть, медленнее, чем мы бы хотели, но верно, неизбежно нарастает». (Ленин, т. XV, стр. 110).

Это нарастание борьбы не могло не поколебать и основу морально-философского мировоззрения Толстого, его учение о непротавлении злу насилем. Толстой видел, как ускользала социальная почва из-под его ног. Тот класс, на который опирался Толстой, наивное патриархальное крестьянство стало изменять свой политический облик. Значительная часть его пошла за пролетариатом.

Годы разгара черносотенных шаек и неслыханного полицейского террора все больше и больше показывали, что учение о непротавлении злу насилем не достигало цели.

Поэтому-то 1910 год отчетен как год наибольшего духовного кризиса писателя. Противоречия, которые раздирали все творчество и учение Толстого, выступили теперь с новой силой. Внешне это выражалось в мучительном осознании двух мировосприятий капиталистического мира: роскоши и бедности. 12 апреля 1910 года он записал в своем дневнике: «Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еда-еда извлеклась от холодной, голодной смерти... Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали». И немного спустя, 4 мая, снова записал: «Опять мучительно чувствую тяжесть роскоши и праздности барской жизни... Мучительно, мучительно. Помогите... найти выход». 26 августа эта же мысль неотступно следует за Толстым: «Очень тяжела роскошь — царство господское и ужасна бедность — курных изб».

5 сентября в своем дневнике Толстой жалует, что он «пытался продолжать» художественное произведение, «но мало сделал, — не пошло». Еще сильнее эта мысль выражена в записи в дневнике для одного себя 2 октября. «Ничего живо почувствовал потребность художественной работы, — пишет он, — и вижу невозможность отделиться ей».

Чем же объяснить этот тупик, в который зашло творчество гениального мастера слова? Ответ на этот вопрос дает его жена С. А. Толстая. Она как-то од-

нажила, задолго до обострения кризиса, записала в своем дневнике: «Левочка грустен; я спросила почему, он говорит: не идет писание. — А о чем? О непротавлении. Еще бы шло! Этот вопрос всем, и ему самому, оскмину набил, и перевернул, и обдумал он уже со всех сторон. Ему хочется художественной работы и приступить трудно. Там резонанс уже не годится. Как пойдут из него потоки правдивого, художественного творчества — он его уже не остановит, а там вдруг окажется непротавление неудобным, а остановить поток невозможно, — вот и страшно его пустить, а душа тоскует».

Чернышевский еще в 50-х годах увидел в Толстом художника, который умеет показывать «диалектику души», как он выражался. Но в 1910 году Толстой-манифест души Толстого-художника. Учение о непротавлении злу, отказ от революции — все это противоречит Толстому-художнику, беспощадному разоблачителю общественных и государственных порядков России. Вот где коренятся причины жалоб на то, что «художественное не идет», не пишется.

Толстой начинает сомневаться и во всем своем учении. Но выйти из своих заблуждений ему было чрезвычайно трудно. Не случайно, что только за десять дней до своего ухода из Ясной Поляны Толстой, читая одного индусского мудреца, записал в «дневнике для одного себя»: «Читал Шри Шанкара. Основная метафизическая мысль о сущности жизни хороша, но все учение путаница, хуже моей». Вот к какой оценке своего учения вынужден был прийти Толстой. И опять-таки не случайно. К такому признанию толкала его все пишущие к нему. Еще в 1908 году Толстой записал в дневнике: «Получаю письма от юношей, изредка разбирающие все мое мировоззрение».

1910 год обострил и без того кричащие противоречия в творчестве и учении Толстого, он привел к роковой развязке, — к уходу Толстого из Ясной Поляны.

Таковы общие контуры духовного кризиса Толстого. Перед советской наукой стоит еще большая задача: надо на конкретных произведениях понять как и в чем мешал Толстой-мыслитель, Толстой-художнику. Но имея такие величайшие образцы марксистского анализа творчества Толстого, как статьи Ленина, можно с уверенностью сказать, что с этой задачей советское литературоведение справится.

Н. МУРАШОВ.
Научный сотрудник музея-усадьбы
«Ясная Поляна».

«Толстой отразил наболевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости». (Ленин, том XII, стр. 334).

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

«Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

М. Горький.

Ленин посвятил Толстому семь специальных статей. В этих статьях со всей силой вскрыто мировое значение великого русского писателя, обрисованы противоречия и закономерности его творчества.

Толстой выступил как писатель в 50-х годах прошлого столетия. Литературная деятельность его продолжалась почти шестьдесят лет. Длительный ряд произведений, созданных Толстым за этот огромный промежуток времени и воплещих в золотой фонд классической литературы, служат для нас неисчерпаемым источником познания прошлого. В произведениях Толстого нашло отражение все стороны жизни старой России: нравы патриархальной деревни, крупное крепостническое хозяйство, политические события, быт высших классов общества. Он «знал» превосходно, — писал Ленин, — деревню России. Он дал в своих художественных произведениях также изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы» (Ленин, т. XIV, стр. 405).

Путь Толстого отмечен страстными поисками правды жизни. Уже Николай-ка Прутев — маленький герой «Детства» и «Отрочества» — приходит к сознанию социальной несправедливости, к анализу окружающего мира. В дальнейших произведениях Толстого мотив недовольства жизнью звучит все более отчетливо.

Вместе со своими героями, вместе с Оленниковым из «Базарова», Пьером из «Войны и мира», Нехлюдовым из «Утра помещика» и «Воскресения», Ленинным из «Анны Карениной» Толстой продолжает свои напряженные искания.

По «призраку» нигде не находилась. Ее не было ни в «опрошении», ни в рели-

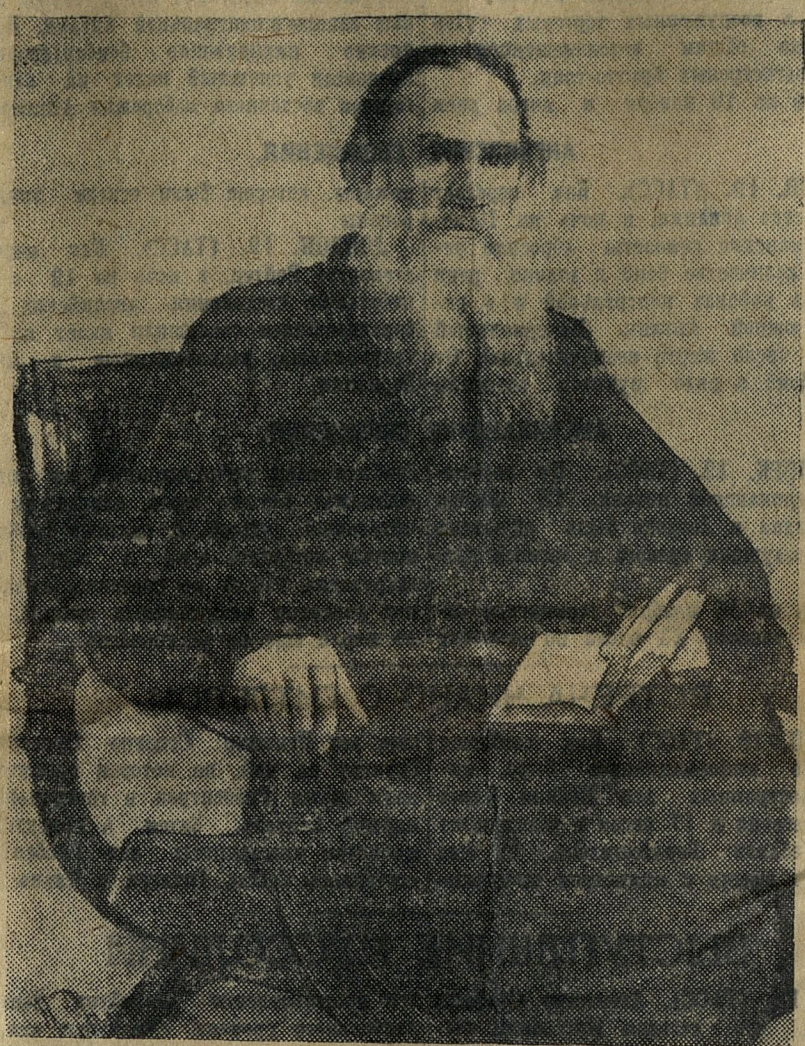
гии, ни в занятиях хозяйством. Заглядывая вместе с Нехлюдовым во все уголки России, писатель понял, что правды и не может быть в мире, где царят произвол и угнетение. Поняв это, Толстой пришел к мысли о внутренней несостоятельности помещичьего строя и обрушился со страстной критикой на все его порождения в экономической и социальной области.

В этой разрушительной критике, отражающей рост народного недовольства, Ленин видел значение Толстого, как «зеркала русской революции». В статье, написанной через несколько дней после смерти писателя, Ленин дал глубочайшую характеристику связи творчества Толстого с общественным движением его времени.

Сила Толстого заключалась в его ненависти к «хозяевам современной жизни», в его великом мастерстве художника-реалиста, создавшего исторически правдивые картины русской жизни. Слабость Толстого была в проповеди «непротавления злу».

Ленин показал, что противоречия во взглядах Толстого являлись отражением «тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но до революционную эпоху» (Ленин, т. XIV, стр. 402). Эта эпоха носила переходный характер. Патриархально-крепостнический уклад трещал по швам, уступая место новым, капиталистическим отношениям.

Ленин писал, что века крепостного рабства и угнетения накопили в крестьянстве «горы ненависти, злобы и отчаянной решимости». Крестьянство рвалось к «новым формам общежития».

На снимке: портрет Л. Н. Толстого. Работа художника И. Е. Репина (1887 г.). Репродукция Г. Широкова (ТАСС).

Из архивных документов

Деятельность Л. Н. Толстого и особенно его борьба с православием сильно тревожили тамбовское духовенство. Попов раздражал то, что многие «верующие» не обращали внимания на их проповеди, но с большим интересом читали произведения «кромольного графа», разоблачающего ложь православия.

Тамбовское миссионерское братство в отчете за 1900 год отмечало: «Свое учение сектанты черпают из разных подпольных брошюр и особенно из подпольных сочинений Л. Толстого, которые с быстротой телеграфа доставляются им. Не успев последний роман Толстого «Воскресение» появиться в печати, как уже многие главы его, не пропущенные цензурой, особенно те, которые касаются учения православной церкви, читаются сектантами, а через них и православными христианами в рукописях».

В отчете отмечается, что чтение этих произведений приводило сектантов и православных крестьян к материализму, к полному атеизму и вызвало стремление к социальным идеям.

Узнав о смерти Л. Н. Толстого, заправил Тамбовской епархии поспешили принять «соответствующие меры». Тамбовский епископ Кирилл со дня прибытия Льва Николаевича на станцию Астапово и вплоть до похорон его в Ясной Поляне вел непрерывную телеграфную переписку с петербургским митрополитом Антонием, запрашивая от него инструкции. Антоний поручил Кириллу «свернуть Льва Толстого в лоно православной церкви».

Митрополит Антоний просил Л. Н. Толстого «примириться с православной церковью». С такой же просьбой обратился по телеграфу к умирающему писателю и епископ Кирилл, но не получил от него ответа. Тогда Кирилл в специальном вагоне выехал на станцию Астапово, чтобы убедить своей проповедью заблудшего грешника. В одной из телеграмм говорится: «Епископ Тамбовский Кирилл прибыл на станцию Лебедянь, живет в вагоне, запросил вагон до Астапова».

Попытка Кирилла усовестить не увенчалась: Л. Н. Толстой его не принял, оскандаливший епископ возвратился в Тамбов, оторванный неудачей и подавленным невыполнением ответственного задания митрополита.

Проявляя усильную деятельность и Тамбовский губернатор Муратов. Он телеграфировал рязанскому губернатору князю Оболенскому, в ведении которого находилась станция Астапово, что в случае надобности может выслать «для поддержки порядка» городских и стражников из Лебедяни и Козлова.

Муратов сослался по телеграфу с министром внутренних дел и с начальником станции Астапово И. И. Овониным. От министерства он просил указать, а от Оволкина требовал сведений о положении на ст. Астапово.

В результате всего этого было заведено «Дело канцелярии управления Рязанско-Уральской железной дороги с перепиской, вызванной пребыванием и кончиной гр. Л. Н. Толстого на ст. Астапово».

Д. ЛИПЕЦКИЙ.

На станции Астапово...

Отворилась форточка. Чей-то рыдающий голос произнес:
— Скончался!

Стоявшие у дома сняли шапки. Кто-то покачался. Его подхватили и ввели в дом.

Было 6 часов 5 минут утра. На дворе стояла густая, тоскливая осень. В прелестной серой пропылавшей мгле тревожно чернели тени. От дома к вокзальной платформе торопливо пробегал человек. Откуда-то, словно из под земли, выросли фигуры жандармов. В дежурной комнате затрещал звонок. Станционный телеграфист дрожащим голосом читал только что поданный ему телеграфный бланк: «Закатилось солнце мира! Догрела красивая жизнь! Россия потеряла величайшего сына, мир потерял величайшего гражданина!»

Мы стоим в комнате старинного ясного-пого-го дома и слушаем возмущенный рассказ одного из старейших обитателей усадьбы Сергея Ивановича Шоголева.

В ноябрьскую темную и холодную ночь великий писатель вышел из своего дома, в котором прожил свыше 70 лет. Вышел навсегда. Через несколько дней его привезли сюда в запяном гробу... Множество книг, дневников, воспоминаний посвящено этому событию.

Ленин писал: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражают, по-своему, мировое значение русской революции» (т. XIV, стр. 400).

Волнующие воспоминания слова Горького:

«Умер Лев Толстой. Получена телеграмма, и в ней обыкновеннейшими словами сказано — скончался».

Это ударило в сердце, заредел я от обиды и тоски, и вот теперь, в полном каком-то состоянии, представляю его себе, как знал, видел, — мучительно хочется говорить о нем...

Терзаемый тоской от сознания мерзости окружающей его среды 82-летний писатель решил, наконец, порвать навсегда со своим обычным жизненным укладом.

Вместе со своим верным, преданным другом врачом Маковичком Толстой тайком оставил Ясную Поляну. Беззастенчивой рукой пишет он жене: «...попытайся и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме становится — стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил».

А спустя два дня становится известно: Толстой опасно заболел в пути.

Первыми зашевелились охранка, полиция, высшие сановники. Для них Толстой — не великий художник, не страдающий сын русского народа. Для парских чиновников и охранников Толстой прежде всего — кромольный граф, опасный и непримиримый враг и разоблачитель царской лжи и насилия.

Срочно принимаются «меры». Во все концы летят шифрованные телеграммы. На станцию Астапово стремглав мчатся жандармские ротмистры, губернаторы, вице-губернаторы, губернаторы, губернаторы, губернаторы. Телеграф принимает и передает один за другим следующие шифрованные при-

казы: «Командировать в Астапово пять жандармов». «Унтер-офицеру Гришину отправиться в Астапово. Взять винтовки с патронами». «Унтер-офицеру Сергееву и Дикину прибыть в Астапово с оружием и патронами». Рязанский губернатор приказывает: «Принять меры не допускать окрестного населения в Астапово, где лежит больной Толстой».

Воспоминая и церковная клика. «Отлученный от православной церкви» граф Толстой, которому, согласно акта отлучения, было отказано в «церковном покаянии», сделался вдруг для парских мракобесов объектом самых рьяных «духовных забот». Черносотенные «святешества» в этот момент забыли, как Толстой реагировал на свое отлучение. Он писал тогда: «Я убежден, что учение церкви есть теоретически неверная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и козловства... Я действительно оторвался от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей».

На станцию Астапово приезжают с «дарами» игумен Оптиной пустыни Варсонофий и перолакон Платеймон.

Ночью Варсонофий тайком пробрается с «дарами» к дому, где лежит умирающий. Монаху не удастся проникнуть к больному. Он сконфузленно возвращается на вокзал, где жандармская полиция устроила ему препятствие.

В эти дни Владимир Ильич Ленин пишет:

«...святешество отныне только что продали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскался» (Ленин, т. XIV, стр. 402).

Наступила ночь 20 (7) ноября 1910 года. В 1 час 10 минут корреспонденты телеграфуют: «Припадок сердечной слабости, плохой». Через 17 минут корреспондент «Русских Ведомостей» срочно предупреждает по телеграфу «Будьте наготове». Семья, которая ночует в вагоне, вызвана к дому. Развязка близка. Все стоит на дворе. Тревожно вглядываются в окно, за которым тихо угасает великая, красивая жизнь. Холодный туман окутал Астапово.

В 6 часов 5 минут утра Толстой скончался...

Хаот у жандармов прибавилось уйма. Ротмистр Савицкий немедленно телеграфует: «Толстой скончался. Усыльте линию».

Суетятся на вокзале и монахи Варсонофий. Еще не все для него потеряно. Необходимо лишь, чтобы кто-нибудь из семьи удостоверил, что покойный выражал перед смертью желание примириться с церковью. Варсонофий пристает ко всем с этим вопросом. Жадно заглядывает в глаза собеседников. Тщетно.

...Толстой похоронен в Ясной Поляне, в лесочке «Старый заказ», на краю обрыва. На могиле нет никаких памятников. Свежий, как будто только вчера насыпанный холм. Чей-то заботливой рукой посажены незабудки. За могилкой на протяжении многих лет лично следит Сергей Иванович Шоголев. Вокруг все тихо, только по-осеннему шумят деревья.

И. РОДИН.

Творчество Толстого явилось зеркалом этого стихийного протеста, сложившегося «у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России» (Ленин, т. XII, стр. 333).

Толстой вместе с этими миллионами ненавидел помещиков и чиновников, сидевших на шее народа. Он смело выступал против реакционных мероприятий правительства, разоблачал ложь и лицемерие, которые пропитывали всю жизнь господствующих классов царской России. Публицистические статьи и памфлеты Толстого, обличающие церковь и помещиков, комедия царского суда и управления, появлялись в легальных и заграничных изданиях. Цензура запрещала и преследовала такие антиправительственные брошюры Толстого, как «Зеркала русской революции». В статье, написанной через несколько дней после смерти писателя, Ленин дал глубочайшую характеристику связи творчества Толстого с общественным движением его времени.

Сила Толстого заключалась в его ненависти к «хозяевам современной жизни», в его великом мастерстве художника-реалиста, создавшего исторически правдивые картины русской жизни. Слабость Толстого была в проповеди «непротавления злу».

Ленин показал, что противоречия во взглядах Толстого являлись отражением «тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но до революционную эпоху» (Ленин, т. XIV, стр. 402). Эта эпоха носила переходный характер. Патриархально-крепостнический уклад трещал по швам, уступая место новым, капиталистическим отношениям.

Ленин писал, что века крепостного рабства и угнетения накопили в крестьянстве «горы ненависти, злобы и отчаянной решимости». Крестьянство рвалось к «новым формам общежития».

Творческие зачатки Севастополя, солдаты и матросы, являются перед нами настоящими патриотами, беззаветно преданными родине. Неподдельный герой солдат и матросов писатель противопоставляет позорной храбрости и хвастовству офицеров из аристократии.

Тема народной войны была положена Толстым в основу его величайшего произведения — исторического романа «Война и мир». В грандиозных картинах здесь воссоздана жизнь России времен наполеоновского нашествия.

Пристальное внимание к отдельным человеческим характерам, тщательное воспроизведение внутреннего мира героев сочетаются в романе с великолепно сделанными массовыми сценами; достаточно вспомнить изумительное описание Бородинского боя, Шенбродского сражения, картины партизанской войны.

Историческое значение романа заключается в его патристическом пафосе. Художник показал мощный подъем национального самосознания, показал величие народа, вставшего против иноземных захватчиков и грубого отставшего независимости родины. «Дубина народной войны», — читаем мы в «Войне и мире», — поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, ...поднялась, опускаясь и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

В «Анне Карениной», следующем большом произведении Толстого, написанном в середине 70-х годов, нашла наиболее яркое выражение эпоха становления капитализма в России. Недаром именно на «Анну Каренину» ссылается Ленин, характеризуя эту переходную эпоху словами одного из героев романа, который говорит, что теперь все «сперворотилось и только укладывается». Но именно Анна Каренина, «трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов» (Ленин, т. XV, стр. 100).

Роман Толстого дает замечательно верную картину обострения социальных про-

тиворечий в пореформенной России, рисует явление дворянства, распавшееся, кривое, полуживое хозяйство — типичные явления переходной эпохи.

Гениальный роман Толстого содержит резкое обличение насильственных семейных и общественных отношений, сложившихся в помещичьей среде. По сути Анны — только один вариант трагедии человека, сумевшего возвыситься над этой средой. Второй вариант представляет Толстой в образе Константина Левина, помещика, который создал несправедливости своего избытка «в сравнении с бедностью народа». Это сознание служит для него источником мучительных раздумий и колебаний. Перед Левинным встают вопросы о «смысле жизни», о назначении человека, о суждбах двоинства, об отношениях барина и мужика. Тревожные размышления Левина над этими вопросами отражают искания самого Толстого. В этот период писатель приближался к тому новому пониманию жизни, которое окончательно сложилось у него после работы над «Анной Карениной».

В своей «Исповеди» Толстой писал: «Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл».

Толстовская критика российской действительности с особой силой выражена в романе «Воскресение». Яркими красками нарисованы здесь страдания народа. Рассказывая о судьбе женщины из народа, ставшей жертвой уродливого социального строя, великий художник вскрывает язвы тогдашней государственности. Он разоблачает комедию парского суда с его произволом; высмеивает церковь и религию с ее ханжеским обрядом и показным человеколюбием. Недаром роман «Воскресение» явился главным поводом для того, чтобы «святешный синод» отлучил Толстого от церкви и объявил его еретиком и боготупником.

В своей разрушительной критике Толстой, по Ленинскому определению, стоял

на точке зрения патриархального крестьянина; в произведениях Толстого звучал гневный голос порабоженного народа. По вместе со страстностью, искренностью и бесстрашием писатель перенес в свою критику и недостатки крестьянского движения. Эти слабые стороны взглядов Толстого отчетливо сказались в «Воскресении» и других произведениях позднего периода («Власть тьмы», «Крейцерова соната» и др.). Но сила Толстого-художника была столь велика, что перед яркостью реалистических описаний отступила далеко на задний план его морально-философские выводы и поучения.

Творческая энергия Толстого была неиссякаема. Талант художника не угасал и не ослабевал с годами. В конце жизни, когда Толстой сосредоточился на философских вопросах и пытался отвернуться от искусства, от «художественного», он украдкой от самого себя писал повесть «Хаджи Мурат», в которой нет ничего от «толстовства». Увлеченный образом Хаджи Мурата, Толстой создал одно из лучших своих произведений, полное свежих и ярких красок, молодого восприятия жизни. В повести смело обличаются захватническая политика самодержавия, жестокое порабощение «иноземцев», ничтожество царя Николая I. Все симпатии писателя на стороне мужественного вождя кавказских горцев. Хаджи Мурат превращается под пером Толстого в олицетворение человеческой смелости, кипучей энергии и той любви к жизни, которой всегда был полон сам художник.

Огромное творческое наследие Толстого поражает своим богатством и разнообразием. Толстой — это золотое сокровище русского искусства. Грандиозные картины исторических событий, живопись природы, мастерство психологического анализа, лирика человеческой души — все это дар Толстой русской литературе так щедро, как ни один другой писатель.

Творчество Толстого — одна из вершин мировой культуры.

В. ЖДАНОВ.